

Анна Рэндол
Грехи негодяя
Серия «Трио грешников», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8110021
Грехи негодяя: роман : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083533-1

Аннотация

Когда-то Клейтона Кэмпбелла коварно предала та, которую он любил больше всего на свете, – красавица Оливия Свифт. Британское правительство спасло шотландца от верной гибели, однако взамен предложило смертельно опасную «тайную службу его величества».

Прошли годы, наивный юный Клейтон превратился в одного из лучших мастеров своего дела, рискующего жизнью, но всегда мечтал лишь об одном – вернуться и отомстить.

Однако встреча с прекрасной изменницей вновь разожгла в его сердце пламя незабытой страсти...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Рэндол

Грехи негодяя

Роман

Пролог

*Бумажная фабрика Свифта,
Англия, 1807 год*

Оливия крадучись проскользнула через помещения фабрики к задней двери, крепко сжимая в кулаке записку.

– Клейтон?

Ответа не последовало. Возможно, он не ожидал, что она так быстро поймет его шифр. А зря. Записка была очень короткой, и в ней не было обычных признаний в любви. Оливии потребовалось всего пять минут, чтобы понять: он хотел встретиться с ней на их обычном месте – под большим деревом за фабрикой ее отца.

Она прислонилась к толстому стволу и оправила подол платья – чтобы ниспадал красивыми складками. Чувствуя себя отчаянно смелой, она дернула за лиф – так, чтобы декольте стало на дюйм ниже. На следующей неделе у Клейтона день рождения, и она пообещала ему особенный подарок. Не было никаких причин не доставить ему маленькое удовольствие заранее.

– Оливия?

Ее сердце на мгновение замерло, потом радостно затрепетало – так было всегда при звуках его голоса. Она устремилась к любимому раньюше, чем вспомнила, что намеревалась оставаться у дерева, где специально принимала соблазнительные позы. Но возвращаться назад было поздно, поэтому она подбежала к нему и обвила руками его шею.

Клейтон не закружил ее, как обычно, и не поцеловал, а лишь крепко прижал к себе и зарылся лицом в ее волосы.

– Что случилось, Клейтон? – Оливия чуть отстранилась и погладила его по щеке и подбородку. Ей нравилось чувствовать – нет, не щетину, а слабый намек на нее; ни один из служащих ее отца пока не мог похвастаться бородой. – Может, Том опять заявил, что не будет носить твои записки? Можешь передать ему, что если он хочет оставаться...

– Дело вовсе не в Томе. – Клейтон нахмурился и сразу стал выглядеть старше своих семнадцати лет.

О небо! Глядя на него, она всегда чувствует восхитительную дрожь во всем теле!

Оливия кокетливо взглянула на юношу из-под ресниц. Обычно он при этом смеялся, утверждая, что ресницы, должно быть, загораживают ей обзор. Но теперь он даже не улыбнулся, и Оливия насторожилась.

– Тогда зачем ты хотел меня видеть? Говори!

Он долго вглядывался в ее милое лицо, наконец заявил:

– Как бы я хотел позвать тебя сюда, чтобы целовать! Как бы хотел увезти тебя на край света!

Клейтон часто бывал слишком серьезным. Но Оливии еще ни разу не доводилось видеть его по-настоящему расстроенным.

– Все дело в твоей матери? Она вызывает тебя домой?

– Нет. – Он сделал шаг назад, запустил пятерню в ее волосы и стал перебирать шелковистые пряди.

Он отошел от нее? По собственной воле? А ведь Клейтон всегда желал быть к ней как можно ближе – хотел держать ее за руки, целовать, ласкать...

– Что с тобой, Клейтон?

Он молча полез в карман своего черного жилета и достал... банкноту? Оливия не сдержала вздоха разочарования. Если он решил сделать ей такой подарок, то очень ошибся. В конце концов, фабрика ее отца печатала банкноты для Английского банка. Так что Оливия видела их даже слишком много. Нет, она предпочитала подарки яркие и блестящие – чтобы можно было надеть на пальцы, на шею или украсить уши...

Клейтон протянул ей банкноту. Пятьдесят фунтов.

Оливия в растерянности заморгала. Пятьдесят фунтов – это больше, чем юноша зарабывал за год.

– Наша продукция, – пояснил он.

Девушка внимательно осмотрела банкноту.

– Да, верно. – Она, можно сказать, выросла на фабрике и всегда могла узнать ее продукцию.

Клейтон забрал у нее деньги.

– Я хочу тебе кое-что сказать, но ты должна дать слово, что сохранишь мои слова втайне.

– Конечно.

– Нет, ты должна дать торжественное обещание, что не проболтаешься, каким бы ни было искушение.

Оливия почувствовала странную пустоту в груди.

– Я же пообещала, разве нет?

Юноша закрыл глаза, и его красивое лицо исказилось, словно от боли.

– Банкнота настоящая, но она не должна существовать. Фабрика получила заказ на тысячу штук. А мы напечатали тысячу десять.

– Чай-то недосмотр?

– Я проверил записи. Наша фабрика не впервые печатает несколько больше банкнот, чем заказано.

Теперь уже Оливия сделала шаг назад.

– Наверное, иногда случаются ошибки, – в растерянности пробормотала она. – Это ошибка или... – Других причин она придумать не смогла.

Клейтон подошел к ней вплотную.

– Слушай меня внимательно. – Он откашлялся. – Окончательный подсчет банкнот выполняет твой отец. Я нашел эту... и еще десять штук в его кабинете.

Папа?... Конечно же, Клейтон ошибся! Кроме того, папа и так богат. У него нет причин красть.

Оливия попыталась отпрянуть, но Клейтон удержал ее и крепко прижал к груди.

– Ты ошибся, – прошептала она.

– Нет. Я уже давно подозревал неладное, но теперь знаю точно: твой отец в ответе за все. У меня есть доказательства, – добавил Клейтон.

Оливия толкнула его, но он не выпустил ее из рук.

– Доказательства... для чего?

– Я обязан пойти к судье. Это воровство. – Голос юноши дрогнул. – И предательство. Послушай, Оливия, я сделаю все от меня зависящее, чтобы защитить тебя. Я женюсь на тебе и увезу подальше от скандала.

Он женится на ней? И еще он, кажется... Сначала Оливия поняла только то, что Клейтон сказал о свадьбе, – а уже потом все остальное...

Скандал! Отец! Судья!

У нее задрожали руки. Стало трудно глотать. И даже дышать.

Клейтон же поцеловал ее и проговорил:

– Мне жаль, что пришлось все это взвалить на твои плечи, но я не мог вынести мысли, что ты узнаешь от кого-то другого. Ты должна понять: у меня нет другого выхода. Я обязан поступить как должно.

Ей следовало что-то сказать? Но что именно? Честно говоря, она понятия об этом не имела, поэтому молча смотрела вслед уходившему юноше.

Клейтон ошибся! Глупый мальчишка! Она прижала ладони к ледяным щекам. Он будет унижен, когда судья все выяснит. А отец уволит Клейтона, и они не смогут больше видеться.

Оливия не сомневалась, что Клейтон действительно что-то обнаружил. Он очень умен, намного умнее всех ее знакомых. Но в этом он ошибся.

Возможно, отец тоже о чем-то подозревает. Иначе он не держал бы банкноты в своем кабинете.

Да, наверняка так и есть. Надо только спросить у отца, что ему известно об этих деньгах. Возможно, на него даже произведет хорошее впечатление проницательность Клейтона.

Всю дорогу до кабинета отца она бежала.

Глава 1

*Бумажная фабрика Свифта,
1817 год*

Оливия Свифт выпрямилась и посмотрела сверху вниз на стоявшего перед ней косоглазого человечка. Она понимала, что означал для фабрики каждый новый наемный рабочий, но считала, что должна укреплять свой авторитет.

— Мой отец отдает приказы мне, а я организую их исполнение на фабрике. Если вас это не устраивает, можете искать работу в другом месте, — заявила Оливия.

Гrimmon прищурился. Его и без того маленькие глазки превратились в щелочки.

— Не понимаю, почему ваш отец не наймет мужчину, чтобы управлять фабрикой. Для женщин есть более приятные занятия. — Плотоядный взгляд человека не оставлял сомнений в том, какими должны быть, по его мнению, эти занятия.

Но его лицо тут же прояснилось, и на нем появилось выражение, которое, обладая некоторым воображением, можно было бы принять за подобострастие.

— Что ж, если здесь именно так обстоят дела, то я полагаю, что сумею приспособиться.

Оливии не надо было оглядываться, чтобы почувствовать за спиной присутствие Томаса, главного механика фабрики. Пожалуй, ей далеко не все нравилось в этом человеке, но она была бы дурой, если бы не считалась с ним. Ведь найти опытного специалиста на ту зарплату, которую фабрика могла ему платить, было почти невозможно. Что же касается косоглазого... Что ж, придется дать ему шанс и не выгонять его на улицу сразу же. Но шанс он получит только один.

— Вам лучше бы приспособиться к нашим условиям. Полагаю, найти другую работу будет непросто... учитывая вашу всем известную страсть к алкоголю.

Гrimmon переступил с ноги на ногу и кивнул. Когда он ушел, Оливия повернулась к Томасу.

— Вам не следует так делать. Я должна быть уверена, что он станет выполнять мои приказы, когда вас нет рядом.

Томас пожал плечами. Уродливые шрамы, покрывавшие половину его лица и шею, вовсе не добавляли ему привлекательности.

— Сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет. Да и все равно им не придется подчиняться вашим приказам слишком долго, — добавил Томас. Он был одним из немногих работников, остававшихся на фабрике даже в самые худшие времена. Когда фабрика почти остановилась и производственные процессы велись практически вручную, а единственными покупателями были магазины из соседних городков, он продолжал работать. Томас поддерживал Оливию, но неизменно давал понять: как только фабрика выйдет из кризиса и начнет выполнять контракты, он настоит на том, чтобы она выполнила свое обещание и наняла управляющего-мужчину.

Оливии очень хотелось резко возразить Томасу, но она сдержалась. Ведь он был прав: ее присутствие осложняло ситуацию для работников-мужчин и вызывало много вопросов относительно истинного состояния здоровья ее отца. И все же она пока что не могла отдать фабрику постороннему человеку — пусть даже и толковому управляющему.

— Я останусь тут до тех пор, пока мы снова не получим контракт с Английским банком, — заявила Оливия.

Она решительно зашагала мимо гудевших и лязгавших машин, затем ненадолго остановилась возле огромных металлических цилиндров, медленно перемещавших высыхаю-

щую бумагу к концу линии. Каждый свежий белый дюйм был еще одним фунтом в кармане – доказательством того, что она, Оливия, все же добилась успеха и восстановила фабрику.

– Мисс Свифт! Мисс Свифт! – К ней приближался Колин – младший клерк. Его очки, как обычно, запотели от теплой и влажной атмосферы цеха. Он снял их и протер о рукав, после чего вернул на место. – Мисс Свифт, я только что получил записку из магазина канцелярских товаров Тредмайна. Они отменили свой заказ.

– Весь? – Оливия положила руку на трубу, по которой текла вода к бойлеру. – Они что-нибудь объяснили?

Колин поправил очки, съехавшие на кончик носа.

– Нет, просто уведомили, что больше не хотят иметь с нами дела.

Второй отказ за один день. Оливия тяжело вздохнула. Как много неудач! Но она ожидала трудностей и не боялась их. И она не позволит трудностям сломить ее. Хотя ей, вероятно, придется отказаться от посещения городского праздника и вместо этого поехать в Лондон.

– Я буду у них сегодня во второй половине дня и…

– Мисс Свифт! – К ней подошел бригадир. – Склад почти пуст, а сырье так и не прибыло.

– Ни одна из партий? – Без сырья не было никакой разницы, есть контракты или нет. Без ткани, которую перерабатывают на волокно, бумажное производство остановится.

Бригадир помотал головой, покрытой буйной рыжей шевелюрой:

– Совсем ничего.

– Это, должно быть, какая-то путаница, – сказала Оливия. – Или, возможно, что-то случилось по дороге. Колин, отправь кого-нибудь, чтобы выяснили…

Перед ней вдруг оказался высокий, хорошо одетый мужчина. Нет, только не сейчас! Она не вынесет, если очередной потенциальный покупатель явился без предупреждения, чтобы лично удостовериться в качестве продукции. А может, что еще хуже, прибыл какой-нибудь чиновник из Английского банка. Она ведь еще на прошлой неделе ответила на все вопросы!

Тем не менее Оливия приkleила к лицу приветливую улыбку. Грозят ей неприятности или нет – она не может себе позволить отпугнуть потенциального покупателя. Ее взгляд скользнул по дорогому серому жилету, обтягивающему удивительно широкую грудь незнакомца. А на его красивом лице выделялись проницательные синие глаза. Глаза… принадлежавшие покойнику!

Оливия невольно отпрянула и покачнулась. Колин подхватил ее под руку и помог удержаться на ногах.

А «мертвый» человек взял ее за другую руку. На нем были черные кожаные перчатки, но даже сквозь них она почувствовала, какая теплая у него рука.

– Мисс Свифт устала, и здесь очень жарко, – сказал визитер. – В кабинете ей сразу станет лучше.

Колин с удивлением взорвался на незнакомца:

– Кто вы?

– Клейтон Кэмпбелл. Я когда-то здесь работал. – Этот голос в течение последних десяти лет преследовал Оливию вочных кошмарах.

И она вдруг подумала, что вот-вот лишится чувств. Перед глазами у нее все поплыло, но она не могла допустить, чтобы рабочие увидели ее слабость. Сделав над собой усилие, она все-таки удержалась на ногах и тихо сказала:

– Все в порядке, Колин. Я буду в кабинете.

Оливия позволила Клейтону вывести ее из цеха и отвести в кабинет. Как только за ними закрылась дверь, она подняла руку и дрожащими пальцами прикоснулась к его лицу.

Высокий угловатый мальчишка, которого она помнила, исчез, и теперь перед ней был сильный, крепкий мужчина. Лицо же его казалось высеченным из камня.

Он жив.

Его подбородок чуть потемнел от пробивавшейся щетины. Оливия никогда не позволяла себе представлять, как он выглядел бы, став взрослым мужчиной. Но даже если бы она когда-нибудь дала себе волю, то все равно не смогла бы вообразить такого. Он стал грубее... но все равно был воплощением совершенства.

Он жив.

Она видела прямой нос, аккуратную раковину уха и чуть выступающие скулы. Ей хотелось увидеть все перемены, вспомнить сотни деталей, которые она давно забыла. Она должна была убедиться, что перед ней человек из плоти и крови, а не плод воображения.

Он жив.

Человек, которого она отправила на виселицу.

Клейтон не шевельнулся. Наконец, когда она встретилась с ним взглядом, он сквозь зубы процедил:

– Убери от меня руки.

Оливия отшатнулась и рухнула на жесткий стул.

– Клейтон, где ты был? Я думала, ты...

– Мертв? – услужливо подсказал он.

Она сразу поняла, что не должна была садиться. Он всегда возвышался над ней, но теперь... Теперь же он господствовал, подавлял, устрашал... Его губы скривились в презрительной гримасе.

Что ж, если это чудо, то оно оказалось вовсе не радостным.

– Где ты был? – Она стиснула в кулаках мягкую ткань своей серой рабочей юбки.

Клейтон саркастично усмехнулся. Господи, как же он изменился! Стал жестоким.

– В аду.

– Но ведь тебя повесили! Отец сам видел!

– Разве?

Все у нее внутри, включая и сердце, словно сжалось в тугой узел. Выходит, отец солгал ей. Еще одна ложь. Не первая и не последняя. Боже правый!

– Ты все это время был в тюрьме? Или... – Слова застревали в горле. – Тебя... куда-то увезли? – Могла ли она сделать что-нибудь, как-то ему помочь? Может, пойти к властям и рассказать правду?

– Я пришел не для того, чтобы воссоединиться с прежней возлюбленной.

Но это вовсе не значило, что она не могла задавать ему вопросы. Когда-то она любила его всей душой, всем сердцем. И ей необходимо было знать, что с ним произошло.

Заставив себя встать, Оливия спросила:

– Так что же с тобой случилось?

– Ты лишилась права задавать подобные вопросы.

– Клейтон, что произошло той ночью?

– Я хочу поговорить с твоим отцом. – Голос его был холоден и спокоен.

– Но, Клейтон...

– Не льсти себе. Я не долго мучился из-за твоего предательства. И не желаю говорить об этом.

– А я желаю!

– Но ты не всегда получаешь то, что хочешь, Алмаз.

Да как он смеет?! Как он осмелился сказать ей такое... и назвать ее так? Ей очень понравилось, когда Клейтон дал ей это прозвище. Алмаз – это сверкание, яркость, блеск.

Но теперь, когда его голос исказило презрение, алмаз стал символом жадности, мелочности, тщеславия.

– Но ничего такого в ней больше не было.

– Ты проводишь меня к отцу?

Эти слова вернули Оливию к реальности.

– Нет, невозможно.

– Вчера я уже понял, что доступ к нему ограничен, однако же...

Оливия мысленно вознесла хвалу верности и преданности их старого дворецкого.

– Отец не совсем здоров. Он никого не принимает.

– Но ведь он принял представителей Английского банка?

Откуда Клейтон узнал?...

– Это исключительный случай.

– Воскрешение из мертвых тоже можно считать исключительным случаем.

– Я не позволю! – Что ж, она ему скажет то же самое, что и всем остальным. – Все, что ты хочешь передать ему, говори мне. Я ничего от него не скрою.

– Остаешься его верной сторожевой собакой? – саркастически ухмыльнулся Клейтон.

Она не дрогнет! Не дрогнет ни от его презрения, ни от собственного гнева. Пусть она больше не предана своему отцу – она безраздельно предана фабрике.

– Так что же передать отцу?

Клейтон растянул губы в неискренней улыбке, продемонстрировав удивительно белые зубы.

– Скажи своему отцу, что я явился сюда за справедливостью. Все, что он имеет, скоро будет в руинах.

– За последние десять лет фабрика и так практически потерпела крах. Этих руин для тебя недостаточно?

– Невезение и справедливость – разные вещи. Фабрика готовится начать работу на Английский банк, разве нет?

Не было смысла отрицать то, что ему уже было известно.

– Да, готовится.

– Именно это и заставило меня здесь появиться. А вовсе не ты. Твой отец мог заткнуть мне рот, когда я был молод. Но больше он не будет совершать преступления.

– Да, не будет, – кивнула Оливия.

Клейтон прислонился к дверному косяку. Его расслабленная поза никак не сочеталась со злым напряженным взглядом.

– Насколько я помню, ты и в прошлый раз не сомневалась в его невиновности. Но теперь можешь мне поверить: фабрика Свифта больше никогда не будет печатать деньги.

И тут до Оливии дошел весь ужас ситуации. Грудь ее сдавило словно тисками, и казалось, тиски эти вот-вот сдавят и сердце и вонзятся в него...

Она не могла сказать ему правду. Ведь он, ведомый ненавистью, вполне мог использовать эти сведения, чтобы окончательно разрушить фабрику. Десять лет назад он хотел остановить ее отца, повинуясь своим представлениям о справедливости и правосудии, но теперь ситуация совсем другая. Теперь все стало намного серьезнее.

– Фабрика – это не только мой отец. От нее зависит множество других людей.

– Тогда им предстоит заново отстроить ее из руин.

Что она когда-то видела в этом человеке? Как могла не замечать его жестокости? Возможно, ее отец был в чем-то прав. Клейтон недостоин ее.

– Ты ждал так долго, чтобы отомстить?

– О, это не месть.

Оливия ткнула его пальцем в грудь.

– Нет, это самая настоящая, ничем не прикрытая месть. Иначе ты обратился бы к властям.

Клейтон резко отбросил ее руку, и впервые она увидела в его глазах огненную ярость.
– Виселица слишком хороша для твоего отца.

– Иными словами, у тебя нет никаких доказательств. – Оливия сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Оставь это, Клейтон. Я даю тебе слово, что прошлое не повторится.

– Твое слово? – Он усмехнулся и провел рукой в перчатке по подбородку. – А знаешь ли ты, что случилось с моим отцом после того, как я был осужден? Тебе не приходила в голову мысль отыскать его?

Оливия пожала плечами и пробормотала:

– Мне тогда было только пятнадцать лет… – Хотя, конечно, нельзя отрицать того, что эта мысль не приходила ей в голову и позже, когда она стала старше. Вероятно, она все-таки изменилась не так сильно, как ей хотелось бы. – А что с ним случилось?

Клейтон не ответил и заявил:

– Все, с этой фабрикой покончено.

И в тот же миг гул машин за дверью стих. Оливия тщетно пыталась уверить себя, что все дело только в задержке поставок сырья. Но почему же Клейтон улыбнулся так злорадно?…

А она ведь все замечательно организовала… Нет-нет, даже если Клейтон стал гением – а в юности многие говорили о его блестящих способностях, – он не сможет ее остановить.

Тут он достал из кармана стопку бумаг, медленно развернул листки веером и легонько провел ими по ее щеке. Бумага была тонкой и дешевой, не с ее фабрики.

– Ты знаешь, что это? – насмешливо спросил Клейтон.

Оливия молча покачала головой.

– Я скупил все твои долги. И срок уплаты по первому из них истекает… – Он покосился на верхний листок, словно не помнил в точности каждое слово, каждую цифру. – Истекает в следующий вторник. Надеюсь, у тебя есть соответствующая сумма.

У Оливии перехватило дыхание. «Надо будет убедиться, что заказ Тредмайну отправили раньше, чем подойдет срок уплаты поставщику угля», – промелькнуло у нее. Но уже в следующее мгновение она вспомнила, что этот заказ только что отменили.

Никакая сила воли не могла теперь скрыть дрожь в ее голосе, когда она проговорила:

– Ты не сможешь так поступить.

Клейтон повернулся к двери.

– Я уже так поступил. И передай отцу, что отныне и впредь я буду иметь дело только с ним. С ним одним.

Глава 2

— Да, но, может быть, следует передвинуть столы на солнце? — сказала Оливия мужчинам, выносившим столы из таверны на прохладный осенний воздух.

Праздник урожая. Он должен был стать грандиозным торжеством. Первым деревенским праздником за десять лет. Этот праздник должен был положить начало доброй традиции — впредь такие праздники планировалось устраивать каждый год.

Если же Клейтону удастся осуществить свои планы, праздник станет первым и последним.

Дети весело бегали по площади вслед за катящимся обручем. Женщины раскладывали на столах для продажи вкусные пироги, веники, вязаные шапки, заколки и резные деревянные игрушки.

Все было превосходно устроено.

И это никогда больше не повторится, если Клейтону удастся добиться своего.

Миссис Уилкерсон подала ей кружку теплого сидра.

— Спасибо. — Оливия протянула женщине пенс, но та покачала головой:

— Нет, мисс Свифт. Ведь вы столько для нас сделали...

— Прошу вас, возьмите, — настаивала Оливия. В конце концов, как выяснилось, она возродила город только для того, чтобы его снова постиг крах.

После минутного колебания другая женщина взяла монету и спрятала ее в карман.

— А тот член парламента согласился поддержать вашу идею? Ну, относительно отдельных помещений в тюрьме для детей...

— Он сказал, что подумает, — ответила Оливия. Миссис Уилкерсон была одной из двух женщин в городе, у которых сыновей отобрала Британская пенитенциарная система, поэтому она самым внимательным образом следила за попытками мисс Свифт исправить ужасную несправедливость.

— А ваши задушевные друзья придут на праздник?

У Оливии не повернулся бы язык назвать представителей Общества борьбы за гуманное отношение к детям-преступникам своими «задушевными друзьями». В общество входили два барристера, квакер, ушедший на покой викарий и горстка озабоченных этой проблемой женщин. Хотя она готова была назвать их не только друзьями, но и родственниками — кем угодно! — если им удастся продвинуться со своими реформами.

— Я уведомила их, что они приглашены.

Возможно, некоторые из них и придут. Эти люди относились к восстановлению фабрики как к масштабному эксперименту, который в случае удачи поможет удержать деревенскую молодежь от попадания в лондонские трущобы.

Миссис Уилкерсон дала по кружке сидра двум мужчинам, которые остановились у стола, чтобы промочить горло. Оба работали на фабрике, но Оливия уже давно установила выходной день для рабочих, и сегодня ей это было на руку.

К столу подошел Колин. У него на плече сидела его маленькая сестренка. Девочка указала пальчиком на кружки:

— И мне!

Колин опустил малышку на землю.

— Присмотришь за ней минутку, тетя Люси? Соревнования вот-вот начнутся.

— Соревнования? — удивилась Оливия.

Колин поправил очки и кивнул:

— Да, катание сыра.

Оливия в растерянности заморгала. Вероятно, она что-то неправильно расслышала.

Миссис Уилкерсон плеснула какого-то напитка в чашку и дала хнычущей племяннице. После чего ответила:

– Вы должны были видеть нечто подобное раньше, еще в детстве.

Оливия никогда в детстве не ходила на праздники, но не стала говорить об этом. Слава Богу, они забыли, как она когда-то заявила, что «только грязным дворняжкам интересны городские праздники». Ей тогда было семь. Отец рассмеялся и погладил ее по головке.

К столу подошел мужчина с женой. Им тоже хотелось сидра.

Миссис Уилкерсон отмахнулась от Колина.

– Не думаю, что я сумею уследить за твоей сестрой. Где мама?

Колин осмотрелся.

– Помогает построить детей, участвующих в хоре.

– Я могу присмотреть за девочкой, – вызвалась Оливия.

Все уставились на нее с явным недоумением.

– Разве вы не заняты организацией праздника?

Но в данный момент вроде бы все шло хорошо и без ее вмешательства.

– Пока нет. – Оливия поставила кружку и взяла малышку на руки. – Не беспокойтесь.

Идите.

После секундного колебания Колин во всю прыть устремился к группе мужчин на вершине холма.

– Желтый, – сказала девочка, указав на упавший лист.

– Да, и желтый, и оранжевый, и красный. – Оливия обратила внимание малыши на другие цвета и медленно пошла к столам, расставленным у выхода из таверны. На мгновение она прижалась щекой к мягким волосикам ребенка. – Мы же не позволим большому жадному дяде отобрать все это у нас, правда?

– Да, очень жадный, – с готовностью согласилась девочка.

«И красивый, – мысленно вздохнула Оливия. – Но ужасно холодный!»

Появление Клейтона должно было успокоить ее совесть. Но она уже привыкла думать о своей вине как о далеком прошлом. А теперь это прошлое вдруг швырнули ей в лицо. Мерзкое! Уродливое! Страшное! Десять лет назад, думая, что он умер, Оливия молилась о том, чтобы это оказалось ошибкой, чтобы выяснилось, что Клейтон жив и невредим. Тяжесть вины не давала ей спокойно жить, мешала дышать. О, как страстно она желала избавиться от этой тяжести!

Но теперь, когда выяснилось, что он действительно жив, раскаяние и угрызения совести не исчезли, остались при ней.

Но если она в долг перед ним, если этот долг ей никогда не вернуть, то это не значит, что ему теперь позволено все, а она должна сидеть сложа руки. Она изменилась, она уже давно не та девочка, которую он когда-то знал. И она не уклонялась от борьбы с того самого дня, когда испугалась и не пошла вместе с отцом в суд. С того дня, когда якобы умер Клейтон.

Вот перед ней новая школа, ее детище. В воздухе еще чувствовался запах свежей краски. В помещениях нужны кое-какие отделочные работы, но снаружи здание закончено точно в срок – к празднику.

– Вы сделали добрее дело. И по праву можете им гордиться. – Обернувшись, Оливия увидела улыбающееся сморщенное лицо викария. – Люди всегда будут вам благодарны. – Он протянул руки и взял у нее малышку.

Этих слов Оливия ждала три года. С тех пор как он приехал к ней в Лондон и рассказал, в какое запустение пришла фабрика, а с ней – и весь городок.

Но теперь эти слова ничего не значили. Ведь она-то стремилась отдать долг за смерть человека, который, как оказалось, вовсе не умер.

— Именно вы заставили меня понять свою ответственность перед городом, — пробормотала в ответ Оливия.

Викарий погладил девочку по спинке, кивая в такт песне, которую только что затянули школьники. Оливии очень хотелось рассказать викарию о Клейтоне. Но как она могла? Ведь он весь лучился от радости.

Она всмотрелась в окружающие ее лица. Вот семья Джонсон с семью светловолосыми мальчишками, имена которых она никак не могла запомнить. А это мистер Грапп. Он наконец приобрел новую вывеску для своей таверны взамен старой, уничтоженной ураганом пять лет назад. Были и новые лица — люди, приехавшие из других мест специально на праздник, а также семьи рабочих, недавно появившихся на фабрике.

Викарий отошел, чтобы отдать ребенка матери.

Перед Оливией же вдруг остановился незнакомец. Он снял шляпу, под которой оказались грязные черные волосы, и проговорил:

— Простите за беспокойство, мисс. Но к вам на фабрику недавно приходил человек. Мне показалось, что это мой старый друг, но я не уверен. — У незнакомца был странный акцент, происхождение которого Оливия никак не могла определить.

— Клейтон Кэмпбелл? — спросила она. — Вы его имеете в виду?

Мужчина кивнул и при этом вовсе не выглядел удивленным.

— Значит, это и в самом деле был он. Искал работу на фабрике?

Оливия отрицательно покачала головой:

— Нет, не искал.

Неожиданно она заметила, что у незнакомца слишком уж напряженный пристальный взгляд. Совсем как у хищника. Оливия невольно отступила.

— А откуда вы его знаете? — спросила она.

В этот момент закончились какие-то соревнования, и мимо нее прошла группа весело болтавших парней. Они хлопали друг дружку по плечам и выкрикивали поздравления.

— Я второй! — крикнул ей Колин.

Оливия приветливо улыбнулась юноше. Когда же повернулась, выяснилось, что странный незнакомец исчез. Она приподнялась на цыпочки, высматривая его в толпе, но незнакомца нигде не было.

Парни столпились вокруг стола с сидром. Дети закончили выступление и теперь пробирались сквозь толпу, разыскивая своих родителей.

Нет, она ни за что не позволит Клейтону все это уничтожить. Человек, которого она когда-то любила, не сможет разрушить жизни всех этих ни в чем не повинных людей. Ей просто надо показать ему, кто пострадает от его действий.

Оливия почувствовала, как по телу ее прокатилась волна дрожи. Что это? Страх? Или предвкушение?

Снова быть рядом с ним...

Оливия не считала нужным обманывать себя и понимала, что не сможет изменить его нынешнее отношение к ней. Но она надеялась, что сумеет изменить его намерения относительно фабрики. Ведь Клейтон всегда был человеком честным и прекрасно понимал, что такое хорошо и что такое плохо. Как-то раз он целую милю возвращался назад в магазин, потому что ему дали семь конфет, а заплатил он только за шесть.

Был только один способ смягчить его — найти путь к его сердцу.

Он всегда за всех тревожился и обо всех заботился. И эта черта его характера наверняка сохранилась, что бы ему ни пришлось пережить. Она должна заставить его подумать о фабрике не как об отмщении, а как о предприятии, дающем многим людям работу и достойную жизнь.

Отыскать путь к сердцу мужчины в общем-то несложно. Достаточно шепотка. Улыбки. Мимолетной ласки. Но только в том случае, если речь идет не об этом мужчине.

Но Клейтон все равно прислушается к доводам логики. Не сможет не прислушаться. А спасение фабрики – поступок вполне логичный. И правильный.

На протяжении последних восьми лет Оливия напряженно работала, убеждая лордов, судей и членов парламента в необходимости помочь детям бедняков. Она очаровывала благотворителей и хозяек модных салонов, склоняя их к формированию фондов помощи бездомным уличным попрошайкам и воришкам.

И она как-нибудь справится с бывшим клерком.

Клейтон поднял глаза от бумаг, разложенных на столе, и уставился невидящим взглядом в окно. Он надеялся, что цифры, как всегда, успокоят его, но почувствовал еще большую неудовлетворенность. Из пустякового жалованья, которое министерство иностранных дел выплатило ему чуть больше года назад, он сделал состояние, потерял его, а потом вернулся снова. Инвестиции с высокими ставками – это всегда риск, но при тщательном изучении ситуации риск существенно снижается.

Обычно изучение своих инвестиций и планирование новых успокаивало его. Но сегодня он никак не мог сосредоточиться. Цифры казались ему такими же неудовлетворительными, как и все остальное в этот день.

В чем же причина его недовольства? Он ведь уже приступил к исполнению своего плана и предупредил Оливию. Но теперь он не станет – как хотел десять лет назад – защищать ее от того, что произойдет. Она сделала свой выбор. И ни ее отец, ни сама Оливия не сумеют его остановить. Правосудие свершится.

И только одно не давало ему покоя.

Оливия все еще оставалась самым красивым созданием, которое ему когда-либо доводилось видеть. Теперь она стала взрослой женщиной, и время превратило некоторые ее недостатки в безусловные достоинства. Мягкость детских форм сменили изящные грациозные изгибы. Губы, раньше слишком уж пухлые, теперь искушали и манили. Лицо лишилось детской округлости, и на нем отчетливо проявились высокие скулы. Тонкие же красиво изогнутые брови придавали взгляду не удивление, а, пожалуй, искушенность.

А ее огромные глаза цвета весеннего неба больше не лучились наивностью и невинностью, но стали такими глубокими, что в них хотелось утонуть.

Но все это не имело никакого значения. Он больше ее не хотел.

А если он и позволил ее нежной руке задержаться на его лице какое-то мгновение, то это лишь потому, что он был поражен ее дерзостью.

В кабинет вошел дворецкий Кентербери, на голове которого красовалась невообразимая красновато-коричневая шляпа. Шутовской колпак, да и только!

– Ну как, сэр, справедливость восторжествовала?

– Я только сделал предупреждение. – Интересно, какого черта он отчитывается перед дворецким? Ведь он, Клейтон, в течение десяти лет был членом самой грозной и неуловимой шпионской группы – «Трио». И даже под пытками он не выдавал информации. А этот человек одним только своим взглядом заставляет его все выкладывать.

Мэдлин и Йен, то есть Малышка с Духом – два других члена «Трио», – непременно подняли бы его на смех. Но по непонятной причине Клейтон чувствовал вину перед старым слугой. Чувствовал даже тогда, когда точно знал, что ничего плохого не сделал.

Он унаследовал этого нахального слугу после замужества Мэдлин Уолден. Теперь она стала Мэдлин Хантфорд. Клейтон до сих пор не совсем понимал, как именно это произошло. Ведь вовсе не он, а Йен знал Кентербери в прошлой жизни.

– Значит, вы смогли встретиться с мистером Свифтом? – спросил дворецкий.